

УДК 391/395
ГРНТИ 03.61.91

РОЛЬ РУССКОЙ ПЕЧИ В ЖИЗНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

М. Глянц¹, М.А. Пименова², В.В. Потапенко³

¹Университет Индианаполиса,
США, 46227, Индиана, Индианаполис, Э Ханна-Авеню

²Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС РФ,
Россия, 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149

³Военный инженерно-технический университет
Россия, 191123, Санкт-Петербург, Захарьевская, 22

Описываются место, предназначение, история русской печи в быту российских крестьян, культура приготовления пищи, ценность хлеба и его символизм, обряды, ритуалы и традиции, связанные с огнём, водой и их ролью в жизни славян. Сделан вывод о том, что дохристианские и христианские элементы в духовной жизни крестьян сосуществовали в течение нескольких столетий и продолжали взаимодействовать в XX веке. Печь воспринимается как нечто живое, проявляющее силу и влияющее на повседневную жизнь и судьбу человека.

Ключевые слова: культура, восточные славяне, крестьяне, печь, традиции, русская пища.

ROLE OF THE RUSSIAN STOVE IN EAST SLAVS' LIFE

M. Glyants¹, M.A. Pimenova², V.V. Potapenko³

¹University of Indianapolis,
USA, 46227, Indiana, Indianapolis, E Hanna Avenyu

²St. Petersburg University of the National Fire Service of Ministry of the Russian Federation
for Civil Defense, Emergency Management and Natural Disasters Response
196105, St. Petersburg, Moskovskiy Prospekt, 149

³Military Engineering and Technical University
191123, St. Petersburg, Zakhariyevskaya, 22

The article deals with the place, purpose and history of a Russian stove in household use of the Russian peasants. The authors describe culture of cooking, value of bread and its symbolism, the ceremonies, rituals and traditions connected with fire, water and their role in Slavs' life. They draw the conclusion that the pre-Christian and Christian features in the spiritual life of the peasants co-existed for several centuries and continued to interact in the twentieth century. The stove is perceived as something alive, showing strength and affecting everyday life and people's destiny.

Keywords: culture, East Slavs, peasants, a stove, traditions, Russian food.

В восточнославянском крестьянском доме печь являлась аналогом современной многофункциональной кухонной техники. Её достоинством являлось равномерное распределение тепла, возможность поддержания стабильной температуры на протяжении длительного времени и отсутствие прямого контакта между продуктами и открытым огнём. Приготовление пищи осуществлялось путём использования в качестве теплоагента сухого горячего воздуха (современный аэрогриль). Российские повара, писатели-кулинары и иностран-

ные путешественники по праву оценили кулинарные возможности и эффективность русской печи.

Своей широкой репутацией печь была обязана тому, что помимо приготовления пищи она выполняла дополнительные хозяйственные функции. Например, в центральных районах России печь была весьма большой и служила даже баней [1]. В ней сушили одежду, свежие травы, грибы, фрукты и ягоды. Если печь была оборудована дымоходом, то она обеспечивала и вентиляцию дома. В течение

© Глянц М., Пименова М.А., Потапенко В.В., 2017

суток она сохраняла пищу тёплой и обеспечивала необходимую температуру для ускорения ферментации кваса, очень популярного на Руси.

Печь для русского крестьянина была тем, что сегодня называют системой жизнеобеспечения. Она занимала от одной пятой до одной четвертой жилой площади крестьянской избы. Строили её всегда в одном из углов и окружали полатями (спальными чердаками) для младших и пожилых членов семьи. Взрослые же спали на скамейках возле неё. Поскольку печь обладала внушительными габаритами, то играла ещё и важную декоративную роль. Размер, цвет и украшения печи отражали уровень благосостояния хозяина. У бедной семьи была белая печь с простыми рисунками, в то время как богатая семья была в состоянии позволить себе печь, украшенную росписями сцен из сельской жизни. Русские мастера часто использовали народные сказания и деревенские мотивы для создания своего рода печной энциклопедии крестьянской жизни [2].

Чтобы объективно усвоить, насколько важен был печных дел мастер в жизни восточных славян, необходимо подробно описать условия их существования. Восточные славяне – это часть славянских народов, которая селилась на землях нынешней Украины, Беларуси и европейской части России. В средние века их язык заметно отличался от общего славянского. В конечном итоге он дал жизнь трём родственным языкам: русскому, украинскому и белорусскому. Огромные низменные территории, подверженные арктическим ветрам – это территория восточных славян, на которой преобладает континентальный климат с суровыми, долговременными зимами и жарким летом. Её северная часть покрыта густыми лесами и не пригодна для сельского хозяйства. Южная же половина, известная как степь, в значительной степени безлесная зона, с плодородной почвой, но охватывалась периодическими засухами. В настоящее время эта территория известна как житница России.

Пищевой рацион крестьянина состоял из продуктов, которые можно было вырастить в той местности, где он проживал. На севере России, где основным зерном была рожь, крестьяне обычно ели тёмный ржаной хлеб, известный как чёрный. На юге страны и в Украине, где пшеница доминировала на сельскохозяйственных угодьях, был распро-

странён белый хлеб. Хлеб был главным блюдом и всегда присутствовал на обеденных столах. Зерно использовали и для приготовления различных видов каш. Дополнением к зерновым были собранные в лесу: грибы, дикie ягоды и орехи. Их сбор был любимым занятием детей и их дедушек и бабушек, которые больше не могли трудиться в поле. Рыба и мясо были в ограниченном количестве и береглись для особых случаев.

Православная церковь оказала глубокое влияние на пищевые привычки людей. Верующие должны были поститься от 178 до 200 дней в году. В результате русская крестьянская кухня превратилась в кухню противоположностей с частым чередованием голоданий и пиршеств. Поскольку мясо и мясные жиры запрещались в течение всех дней поста (и были очень дорогими), россияне воспринимали грибы в качестве заменителя мяса. Во время Великого Поста рыбные пироги и солёная сельдь присутствовали в рационе лишь богатых крестьян.

Самый древний русский напиток – берёзовица, был сделан из сока берёзы, хранился в больших ёмкостях для осуществления естественного брожения. Близкий по вкусу и качеству напиток – медовуха – сбраживался из меда, хмеля и дрожжей. Позднее их заменил квас – кисло-сладкий, тёмный напиток, получившийся благодаря ферментации зерна пшеницы с водой и сахаром. Чай стал широко доступным только в середине XIX века и с тех пор начал конкурировать по популярности с квасом.

Печь сыграла заметную роль в приготовлении продуктов питания. Хлеб, каша, грибы, мясо и рыба, разные напитки – всему требовалась обработка в печи. Сырая пища была лишь частью рациона, за исключением, возможно, фруктов и овощей в период их созревания. Но даже в этом случае их подвергали обработке, главным образом, для того чтобы сохранить на зиму [3].

Печь являлась центром материальной и духовной культуры восточных славян и как технологическое устройство обеспечивала слияние природы и культуры [4]. Приготовление продуктов питания в печи делилось на три части. Сначала разводили огонь, подогревали воду, обрабатывали сырые овощи, варили или тушили и завершали извлечением конечного продукта – приготовленной пищи. Различные

элементы этого кулинарного процесса сопровождались особыми символическими обрядами, которые воспеты в фольклоре.

Вода и огонь вызывали особое уважение среди восточных славян. Отдельные ритуалы исполнялись, чтобы направлять силу этих стихий себе во благо. В ритуалах празднования дня Ивана Купалы, например, считалось, что прыжки через костёр очищают, но только после купания в реке. Вода и огонь имели сходные лечебные и очищающие свойства и использовались в магических действиях [5]. В Украине помещали горшок с водой в горящую печь на ночь, чтобы «огонь не был слишком горячий» [6]. Советский учёный С.А. Токарев интерпретировал этот обычай как разновидность жертвенного приношения огню. Практика освещения свечей и костров в источниках воды представляла собой обряд жертвенного приношения воде.

Обращение славян с водой и огнём в повседневной жизни убеждает в высоком уважении к ним. Действительно, оба были связаны с множеством запретов. Плетение, мочеиспускание, ссоры, ругань и драки не допускались в их присутствии. К огню и воде запрещалось приближаться без молитвы. Наказание за осквернение чистоты семейного очага можно объяснить убеждением, что огонь отделил мир живых от мира умерших предков.

Сама печь, горнило кулинарного искусства, воспринималась как священный посредник между «живым» миром и миром «мёртвых». Например, когда умирал член семьи, дверь печи должна была быть открыта, чтобы душа умершего могла легко покинуть этот мир через печной дымоход [7]. Существовала поговорка: «Печь в доме – то же, что алтарь в церкви», так как в ней печётся хлеб. Например, на востоке Европейской России, в Вятке, выпечка хлеба – более ритуал, чем кулинарный приём. Использование специальной метлы (помело) для уборки внутренней части печи было обязательным. Считалось плохим предзнаменованием, передавать огонь домашней печи соседям, хотя во время деревенских эпидемий все печи тушили, а после всеобщей молитвы зажигали и освящали новый огонь, который затем передавался в другие домохозяйства.

Считается, что святость кулинарных действий лучше всего иллюстрируется символической ценностью хлеба. Хлеб был не только самым важным продуктом питания восточ-

ных славян, но и фигурировал в центре их культурных представлений о еде. Поговорка «бедный обед без хлеба» означает, что еда без него не считалась полноценной. Мало того, что он символизирует всю еду, но также и в идиоматических выражениях означает заработок или работу, гостеприимство и на более метафорическом уровне – дружбу. Хлеб и ныне символизирует богатство и здоровье.

Глубокое уважение к хлебу прослеживается в запретах, регулирующих его приготовление. Например, когда хлеб выпекался, было запрещено садиться на печь (которая обычно служила местом для сна членов семьи). Запрещалось также подметать полы в доме или отрезать кусочек хлеба, во время его выпечки.

Весь процесс приготовления пищи, особенно выпечка ритуального хлеба, отражал последовательность зачатия, рождения, роста и возмужания. Например, во время обряда приветствия весны, посвящённого возрождению природы, восточные славяне выпекали хлеб в виде фигур птиц. Так они призывали мигрирующих птиц возвращаться обратно, на свои территории. Считалось, что выпечка ритуального хлеба стимулирует или ускоряет циклический ход природы. Во время свадьбы молодому, здоровому, неженатому мужчине предлагалось разместить свадебный хлеб на хлебной доске и поставить его в печь. Этот ритуал, названный «каравайник» в честь свадебного хлеба, обеспечивал плодovitость молодожёнов и был одним из редких случаев участия мужчин в процессе выпечки хлеба или любого другого приготовления пищи.

В период зимних праздников крестьяне готовились к сбору урожая в будущем году [8]. Хлеб занимал почётное место на большинстве этих праздников. По мнению крестьян, обряды, связанные с хлебом, напрямую влияли на рождаемость, изобилие и процветание. Например, во время празднований Юлетида (Рождества), крестьяне шли от дома к дому, пели гимны и желали богатства и счастья хозяевам. Предназначение этих песен изначально было волшебным, способствующим хорошему урожаю и счастливому браку. В некоторых новогодних песнях содержится мольба о ритуальном угощении. В ответ на них хозяева предлагали специальные хлеба или булочки, запечённые в виде фигур коз, коров и других домашних животных. Этот обычай назывался колядками (из латинской

календы, «каландры»). Песни и угощение прогнозировали отличный урожай и увеличение поголовья домашнего скота. А вот ещё загадка иллюстрирует ценность хлеба как символа изобилия: «что просеяно, скручено, покрыто золотом?» Ответ: «Пшеничный хлеб» [9]. Здесь связь между хлебом и золотом выходит за рамки цвета, постулируя, что хлеб и золото символизируют изобилие.

В ряде ритуалов хлеб играл роль посредника между двумя мирами. Практика восточнославянских похорон, заключающаяся в размещении небольших лестниц, испечённых из теста, рядом с трупом, с целью помочь душе покинуть тело в своём перемещении из этого мира в другой – явное наследие языческих времён.[10] Образ хлебной лестницы основан на метонимии. Действительно, хлеб обычно непосредственно был связан с раем, как в детских заклинаниях, которые ребёнок произносил, найдя божью коровку и поместив её на ладони:

Божья коровка, божья коровка,
Лети в небо,
Принесите нам хлеб: пшеницу или рожь,
Но только не сжигай.

Если божья коровка улетала, это служило предсказанием хорошей погоды для урожая. Функция хлеба как связного между двумя мирами также породила обычай помещать хлеб в могилу умершего. Русский фольклорист В. Пропп завершил анализ этого мотива, сказав, что хлеб вместе с посохом и парой обуви был дан покойному, чтобы облегчить «путешествие по пути в другой мир» [11]. Характерно, что славяне всегда давали ритуальную буханку хлеба путешественникам. Например, в Болгарии хлеб давался скорбящим на пути к кладбищу. Считалось, что путь умершего будет таким образом облегчен.

Запрещалось расточительно относиться к хлебу. Широко распространённый крестьянский обычай требовал, чтобы люди собирали все хлебные крошки, разбросанные по столу или полу после еды и кормили ими птиц. А. Афанасьев, один из исследователей русского фольклора, описывал верование, что злые духи собирают хлебные крошки, которые люди роняли и что, если после их смерти эти хлебные крошки будут весить больше, чем их тела, их души отойдут дьяволу [12].

Поскольку хлеб являлся символом изобилия, то неудивительно, что он также был связан с половым актом и беременностью. Действительно, загадки, собранные фольклористом Садовниковым, наводят на подобные размышления:

За стеной стена – костлявая буханка хлеба.
Ответ: Ребёнок в животе.
На углу хижины лежит буханка хлеба,
а в хлебе сидит крыса.
Ответ: Беременная женщина.

Является ли вторая загадка изображением плода в утробе матери, как предполагает Садовников, или он намекает на половые сношения, не имеет значения. В мышлении восточнославянских крестьян причина и последствия часто могут заменять друг друга. В любом случае идея плодородия выражается достаточно красноречиво.

Строительство глиняных печей было совместным, общественным, действием, частью своеобразного ритуала. На Севере оно имело собственное имя, печебитие – от корня печ – (испечь) и корня бит – (бить). При строительстве печи молодые люди и женщины, не состоящие в браке, приглашались со всей деревни для помощи носить глину, мять её и т. д. Для предотвращения чрезмерного дымления печи, строители прятали монеты и ладан в глиняных стенах. Во время строительства молодые люди сопровождали работу песнями, и как только печь была готова, отмечали это событие танцами и возлияниями. Мужчины охотно пили водку, молодые женщины ели медовые хлеба (пряники), а само гулянье называлось «печное» [13]. Хорошо сложенная печь, сохраняющая тепло и экономичная – удостаивалась специального звания печь-пекарка (пекарня-печь) или варка-печь.

Считалось весьма тяжёлым бороться с капризным домашним духом [14]. Когда члены семьи переезжали в новый дом, они совершали специальный обряд, заключающийся в переносе углей и золы в глиняном горшочке из старого дома в новую печь, тем самым обеспечивая домового, который жил либо под печкой, либо позади неё. Точно так же они перевозили семейные иконы из старого дома в «красный» угол нового дома. Чтобы не ссориться с домовым, хозяин ставил горшок с горячей кашей в печь, в день переезда, после

ужина семьи. По мнению русского ученого И. Сахарова, считалось, что домовый будет есть свою долю, известную как «кудеса», в полночь [15].

Место плиты определяло традиционную организацию пространства в избе: оно разделяло жилое пространство на женскую часть (бабий угол), где происходили все ежедневные женские мероприятия и мужскую часть («красный» угол, «красивый» угол). Во время свадебной церемонии неохотная невеста выходила из печного угла (бабьего угла) в «красивый» угол, чтобы показать своё одобрение жениху [16]. Отход от семейной печи к царству мужа был одним из обязательных ритуалов брачного действия.

В России печь воспринималась как женская, возможно, потому, что выпечка хлеба оставалась всегда женской обязанностью. Устный народный фольклор, особенно пословицы, загадки и песни, даёт множество тому доказательств. Например, загадка из коллекции Садовникова представляла печь и дым в следующих выражениях:

Стоит девица в избе, а коса во дворе.
В доме стоит дева, а её коса снаружи.

Вот загадка, характерная для фольклора Псковской области, где печь сравнивается с женщиной.

Стоит баба в углу,
Рот в боку.

В русских народных сказках печь часто является женским персонажем, наделённым конкретным именем. В этом качестве её главная задача – заботиться о детях, защищать их в случае опасности. В то же время она и кормилица – кормит их хлебами [17].

В народных сказках поведение печи схоже с поведением матери, что особенно примечательно и для довольно интересного семейного обычая, так называемой выпечки детей. Обычно эту церемонию организовывали молодые мамы в деревне, которые использовали печь для лечения через огонь. Для очищения от болезни они помещали больного младенца или даже недоношенного ребёнка на хлебную доску, а затем трижды помещали его в горячую печь. При этом звучали различные песнопения или заклятия болезни, например о «старости собаки» – общий термин для рахита, детской атрофии, грыжи и т. д., которые яко-

бы сожгутся в печи. Этот ритуал, известный как выздоровление ребёнка (перепекание ребёнка), а в некоторых случаях и омоложение собаки (перепекание собачей старости), проводился над младенцами в Поволжье, в центральных и южных регионах России, Сибири и некоторых областях Беларуси [18]. Символизм ритуала был основан на восприятии ребёнка как хлебного теста. Восточные славяне считали, что больной ребёнок, попадая в печь, превратится в здорового, по аналогии с выпечкой хлеба, т. е. превращением мягкого, бесформенного вещества в идеальный хрустящий хлеб. В некоторых районах, в том числе в Поволжье (г. Казань и г. Кострома), уборка урожая сопровождалась обмазыванием лица и тела ребёнка тестом. В терминах К. Леви-Стросса сырое превращалось в готовое, а печь – место, где произошло это преобразование. Символическая выпечка ребёнка рассматривалась как ритуальная смерть больного, сопровождаемая возрождением здорового. Ребёнок, был временно возвращён в утробу матери – печь – чтобы возродиться здоровым. Таким образом, печь приобрела ещё одно значение – она функционировала как чрево матери. Крестьянское высказывание, цитируемое по В. Далю: «Печка – наша дорогая собственная мать» – наглядно иллюстрирует образ печи как матери.

Восточнославянская сказка «Мальчик и ведьма» предлагает искажённую процедуру ритуального возрождения детей. В этой сказке ведьма – Баба Яга приказала дочери поджарить похищенного мальчика на обед. Умный мальчик попросил показать ему, как правильно размещаться на хлебной доске. После того как девушка послушно села на доску, мальчик сунул её в горячую печь. Волшебная сказка превратила практику исцеления через огонь в акт убийства посредством печи. Комментируя этот сюжет, В. Пропп задался вопросом о том, как и почему ритуалы изредка трансформировались в соответствующие мифологические рассказы.

Связь между печью и смертью подчеркивается тем, что печь фигурирует как своеобразный порог для перехода в другой мир. Восточные славяне считали, что ребёнок, обретает душу через печь и что душа умершего, оставляла тело и вылетала из дымохода, чтобы присоединиться к царству небесному. Множество обрядов считали печь каналом общения с предками. Новорождённого ребёнка и умира-

ющего человека укладывали рядом с печью, чтобы обеспечить помощь и защиту. Вернувшись домой с похорон, все члены домохозяйства касались печки и заглядывали в её «открытый рот», чтобы защитить себя от смерти. Когда ребёнок рождался, повивальная бабка держала его у печи и посыпала золой в ожидании того, что этим обеспечит защиту новорождённому. Следовательно, предки, чья любимая еда – это дым, поднимающийся из печной трубы, участвовали в повседневной жизни семьи, получая свою долю в пропитании и предоставляя необходимую защиту семье. Эта связь между предками и живыми объясняет многочисленные верования, связанные с приготовлением пищи и выпечкой. Например, если верхняя часть хлеба наклонилась внутрь печи, должна была последовать удача; если же к дверце печи, то это предсказывало несчастье. Аналогичным образом, сама печь была важной частью в гадании [19].

Различные ипостаси русских – храбрых героев сказок и легенд, спасающих невест от драконов, указывают на их связь с печью: Иван Попиалов, Матюша Пепельной, Запечный Искр, Иван Запечник (из русских слов для пепла и печки) [20]. Все они получили сверхъестественные силы через чудесные роды и в какой-то мере были обязаны очагу. Ведьмы также имели особые отношения с печью: они использовали дымоход, чтобы проникать в дом.

Целебная или восстановительная способность печи была благотворна и тем, кто лежал на ней или был в её близости. Иногда её сила трактовалась как простое чувство благополучия или счастья. Общепринятый способ описания блаженного государства, «как будто согретый печкой», подчёркивал уют, создаваемый печью. Известная украинская поговорка описывала счастливых людей как «тех, кто в яме». Проведя некоторое время в совместной близости у печи, незнакомец, превращался в друга: «Тот, кто сидел на печи, уже не гость, а друг». В Псковской области лежание на печке, традиционно предпочитаемый способ безделья, имеет специальный глагол, «печушничать». Ленивый человек назывался там печушником или печегнетом.

Следовательно, в отличие от христианского «красного» угла, или «красивого» угла, печь была местом языческого богослужения.

Сосуществование двух конкурирующих убеждений внутри одного замкнутого пространства не является неожиданностью.

В отличие от Западной Европы, восточнославянские земли характеризовались наличием двоеверия, которое оставило глубокий отпечаток в мышлении людей [21]. Языческое поклонение существовало наряду с христианскими убеждениями, а его устойчивость объяснялась проникновением природных компонентов в восточно-славянский религиозный мир. Печь и «красивый» угол занимали противоположные места в русской избе, а невидимая демаркационная линия разделяла языческое поклонение огню и христианскую веру. Дохристианские и христианские элементы в духовной жизни крестьян сосуществовали в течение нескольких столетий и продолжали взаимодействовать в XX веке.

В «Сырое и приготовленное» К. Леви-Стросс выделяет два разных, обычно совпадающих, используемых символов языка ритуалов и мифологии: он предоставляет людям «средства изменения практической ситуации, либо их характеристики и описание». В то время как две функции обычно перекрываются, первая исчезает в культурах, где «сила магической мысли стремится ослабевать, а обряды приобретают рудиментарный характер». Что касается восточнославянской культуры, то устойчивость магических представлений удивительна, тем более что на протяжении веков она сосуществовала с христианской верой. Печь воспринимается как нечто живое, проявляющее силу и влияющее на повседневную жизнь и судьбу человека, так что это намного превосходит её кулинарные и тепловые функции. В качестве канала для другого мира и, следовательно, как средство для привлечения защиты со стороны предков печь занимает особое место в обрядах, которые явно нацелены больше на осуществление изменений, чем на описание status quo дел. Её сила, в свою очередь, распространяется и на продукты, которые в ней готовят. Главным из них является хлеб, который, как считается, способствует плодovitости, изобилию и здоровью. Эта гомология между хлебом и печью поражает, поскольку она принадлежит, по существу, к мифам о силе, которые восточные славяне изобрели, чтобы осознать природу мироздания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983. 160 с.
2. Овсянников Ю.М. Русские изразцы. Л. : Русский художник, 1968.
3. Величко Е.М., Ковалева Н.И., Усова В.В. Русская народная кухня. М. : Колос, 1992; Тумр Джойс. Классическая российская кухня; Молоховец Е. Подарок молодым домохозяйкам. Блумингтон: Изд-во Индианского ун-та, 1992. С. 3–89.
4. Леви-Стросс К. Сырое и приготовленное, издание 1. Париж, 1964; Чикаго : Чикагский ун-т, 1969.
5. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских начала XX в. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1970. С. 65–74.
6. Успенский Б.А. Филологические исследования в области славянской старины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. С. 56.
7. Байбурин А.К. Мифологические верования в народном искусстве. М.: Рос. ин-т искусствознания, 1993. С. 95.
8. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. М.: Наука, 1957. 123 с.
9. Садовников Н.Д. Загадки русского народа. Анн-Арбор: Арбис, 1986. 418 с.
10. Страхов А.Б. Культ хлеба среди Восточных славян. Мюнхен: Верлег Отто Сэгнер, 1991. 144 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 49.
12. Афанасьев А.Н. Поэтические взгляды на природу. М. : Изд-во Солдатенкова, 1869. Изд. 3. С. 763.
13. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и коммуникации среди российских крестьян в XIX в. М. : Наука, 1986. С. 56.
14. Громыко М.М. Мир российской деревни. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 81.
15. Сахаров И.П. Сказания русского народа. 1885; перепечатка: М. : Худож. лит., 1989. С. 236.
16. Обрядовая поэзия / Зекулина В.И. и Розов А.Н. – редакторы. М. : Современник, 1989. 323 с.
17. Афанасьев А.Н. Русские народные сказки. М. : Наука, 1984. Издание 1. С. 147.
18. Топорков А.Л. «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность: сб. науч. тр. СПб. : Наука, 1992. С. 114–118.
19. Колпакова Н.П. Книга о русском фольклоре. Л., 1948. С. 19–20.; Аничкова Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. 280 с.
20. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 585 с.
21. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры. Итака : Изд-во Корнелльского ун-та, 1985. С. 30–66.

Глянц Муся – д-р философии, Университет Индианаполиса; **Пименова Марина Александровна** – канд. техн. наук, ст. препод., Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС РФ; **Потапенко Вячеслав Викторович** – канд. техн. наук, зав. кафедрой, Военный инженерно-технический университет.

REFERENCES

- 1 Bayburin A.K. Zhilische v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan. L. : Nauka, 1983. 160 s.
2. Ovsyannikov Yu.M. Russkie izraztsy. L. : Russkiy hudozhnik, 1968.
3. Velichko E.M., Kovaleva N.I., Usova V.V. Russkaya narodnaya kuhnya. M. : Kolos, 1992; Tumr Dzhoyts. Klassicheskaya rossiyskaya kuhnya; Molohovec E. Podarok molodym domohozyaykam. Blumington: Izd-vo Indianskogo un-ta, 1992. S. 3–89.
4. Levi-Stross K. Syroe i prigotovlennoe, izdanie 1. Parizh, 1964; Chikago : Chikagskiy un-t, 1969.
5. Tokarev S.A. Religioznye verovaniya vostochno-slavyanskikh nachala XX v. M. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1970. S. 65–74.
6. Uspenskiy B.A. Filologicheskie issledovaniya v oblasti slavyanskoy stariny. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1982. S. 56.
7. Bayburin A.K. Mifologicheskie verovaniya v narodnom iskusstve. M.: Ros. in-t iskusstvovznaniya, 1993. S. 95.
8. Chicherov V.I. Zimniy period russkogo zemledel'cheskogo kalendar'ya XVI–XIX vv. M.: Nauka, 1957. 123 s.
9. Sadovnikov N.D. Zagadki russkogo naroda. Ann-Arbor: Arbis, 1986. 418 s.
10. Strahov A.B. Kul't khleba sredi Vostochnykh slavyan. Myunhen: Verleg Otto Segner, 1991. 144: s.
11. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1986. S. 49.
12. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vzglyady na prirodu. M.: Izd-vo Soldatenkova, 1869. Izdanie 3. S. 763.
13. Gromyko M.M. Traditsionnye normy povedeniya i kommunikatsii sredi rossiyskikh krest'yan v XIX v. M. : Nauka, 1986. S. 56.
14. Gromyko M.M. Mir rossiyskoy derevni. M. : Molodaya gvardiya, 1991. S. 81.
15. Saharov I.P. Skazaniya russkogo naroda. 1885; perechatka: M. : Hudozh. lit., 1989. S. 236.
16. Obryadovaya poeziya / Zekulina V.I. i Rozov A.N. – redaktory. M. : Sovremennik, 1989. 323 s.
17. Afanas'ev A.N. Russkie narodnye skazki. M. : Nauka, 1984. Izdanie 1. S. 147.
18. Toporkov A.L. «Perepekanie» detey v ritualah i skazkah vostochnykh slavyan // Fol'klor i etnograficheskaya deystvitel'nost': sb. nauch. tr. SPb. : Nauka, 1992. S. 114–118.
19. Kolpakova N.P. Kniga o russkom fol'klоре. L., 1948. S. 19–20.; Anichkova E.V. Yazychestvo i drevnyaya Rus'. SPb., 1914. 280 s.
20. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan. M. : Nauka, 1981. 585 s.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury. Itaka : Izd-vo Kornell'skogo un-ta, 1985. S. 30–66.

Musya Glyants – Dr. of Philos., University of Indianapolis; **Marina Aleksandrovna Pimenova** – Cand. Sc. {Engineer.}, Senior Lecturer, St. Petersburg University of the National Fire Service of Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Management and Natural Disasters Response; **Vyacheslav Viktorovich Potapenko** – Cand. Sc. {Engineer.}, Head of the Depart., Military Engineering and Technical University.

Статья поступила в редакцию 24.04.2017 г.